

хода истории: если сегодня власть находилась в руках ассирийцев, то завтра она окажется у мидян и персов, затем мировое господство завоюют эллины и римляне, а потом оно перейдет к туркам¹⁰⁹. Идея смены мировых держав не нова в византийской литературе¹¹⁰, тем не менее для характеристики мировоззрения Критовула она имеет первостепенное значение. И не столько потому, что она отвечала его политическим устремлениям, ибо служила для оправдания протурецкой ориентации автора¹¹¹, сколько в силу ее идейных истоков. В самом деле, в этих рассуждениях Критовула, по нашему мнению, можно найти близкое родство с учением греческого философа XIV в. Феодора Метохита. Отстаивая идею универсального закона для всего материального мира, Метохит говорил о том, что в государственных делах также не существует ничего прочного, раз и навсегда установленного. Подобно живым организмам, империи рождаются, совершенствуются, а затем слабеют и умирают, когда наступает их время. Этому всеобщему ритму развития подчиняется все живущее, и нет исключений из универсального правила¹¹². Интересно, что тот же мотив звучит и в сочинении («26 диалогов с турком»), принадлежащем императору Мануилу II Палеологу. Столь почитаемый византийскими историками (Дукой и Сфрандзи) самодержец признает, что процветание человечества зависит не от фортуны, а от естественных законов развития, и отрицает прямую связь между духовным состоянием общества и благополучием государства¹¹³. Последняя мысль была довольно смелой для своего времени, поскольку расходилась с культивируемым церковью понятием взаимозависимости морального и материального благосостояния общества.

Подобные взгляды нашли отражение и в сочинении Критовула, в том разделе его хроники, где речь идет о причинах гибели Византийской империи¹¹⁴. Историк решительно возражает тем, кто возлагал всю вину за падение государства на греческий народ, ибо дурными и испорченными могут быть правители, а не народ как таковой. Со своей стороны автор указывает на ответственность за судьбу страны ее правителей. Отсюда мы получаем возможность составить представление о том, какое большее значение он придавал роли личности в истории. Однако главное заключается в другом. Из его теории циклической смены мировых держав следовал логический вывод, который Критовул не замедлил сделать: если все государства преходящи, то нельзя обвинять византийцев в катастрофе 1453 г., необходимо снять с них упреки в гибели империи, потому что ее падение обусловлено естественными законами природы. «Как можно... порицать народ за то, что он не смог... избежать превратностей судьбы?», — выражает свое недоумение хронист по поводу необоснованных нападков на народ¹¹⁵. В этой фразе — квинтэссенция философии истории Критовула. Судьба («тихи») является закономерностью, которая движет миром и которой все подчиняется. Но само понятие «тихи» у Критовула почти не обладает божественной сущностью. В одном месте историк отождествляет «тихи» с личными качествами человека. Говоря о достоинствах турецкого султана, он в числе прочих черт его характера

¹⁰⁹ *Critobul*, p. 37, 23—28.

¹¹⁰ Это относится не только к византийской, но и к средневековой историографии вообще, взявшей, в свою очередь, эту идею из пророчеств книги Даниила о четырех сменяющих друг друга царствах (см. *О. Л. Вайнштейн*. Западноевропейская средневековая историография, стр. 11, 78—79).

¹¹¹ *З. В. Удальцова*. К вопросу о социально-политических взглядах... Критовула. — ВВ, XII, 1957, стр. 188.

¹¹² *I. Ševčenko*. The Decline of Byzantium seen through the Eyes of its Intellectuals. — DOP, XV, 1961, p. 183—184.

¹¹³ *C. Turner*. Op. cit., p. 351—352.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 362.

¹¹⁵ *Critobul*, p. 39, 3—5.